

Лидия Чуковская (1907–1996)

Дорога из дорог

В архиве поэта и филолога Валентина Берестова сохранилась маленькая рукопись под названием «Благодарность». Ныне этот текст доступен широкому читателю благодаря интернет-сайту «Отдав искусству жизнь без сдачи». Большое сетевое собрание посвящено легендарному и трудолюбивому семейству Чуковских. Текст Валентина Дмитриевича — о Лидии Корнеевне. Он знал её ещё со своей юности, ещё с Ташкента.

«...Как мне кажется, всю свою жизнь она была поэтом. Это проявлялось не только в том, что Лидия Чуковская писала стихи, но и в том, что стихи классиков нашей поэзии буквально не сходили с её уст, со страниц любой её работы. Даже умирая, она читала Блока. За столь долгую жизнь она могла бы написать намного больше стихов, чем оставила нам. Но дело тут не в горестных обстоятельствах времени. Просто для выражения своих чувств ей обычно хватало любимых стихов других поэтов — от Гавриила Державина до Владимира Корнилова. Свои стихи она писала лишь тогда, когда чувствовала, что никто другой таких стихов не писал и не напишет».

Читатель наших «Строф» может почувствовать это, прочитав четыре строчки 1983 года из цикла, посвященного отцу («Дом»), и — согласиться с Берестовым: таких стихов в русской поэзии еще не было. В последние годы жизни Лидии Корнеевны её дочь просила маму закончить «Записки об Анне Ахматовой», которые так и не были завершены. И в очередной раз на эти уговоры мама ответила: «А мне дороже всего те читатели, которые любят мои стихи». И это удивительно, ведь таких читателей и слушателей было и есть — совсем немного. К счастью, среди них были поэты: Анна Ахматова, Борис Пастернак, Инна Лиснянская, Лариса Миллер. Вот — Берестов.

...Не знаю, был ли я дорог ей как читатель, но стихи эти любил и люблю. Дважды писал о них при её жизни. Помню, пылко назвал их однажды поэтическим молитвенником той, что всегда считала себя неверующей. В этой возвышенно-строгой, драматичной и чистой лирике — её живая душа, которая, повторю вслед за Берестовым — «не знает возрастов, а лишь удивляется им». **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Марии Заикиной

* * *

Какую я очередь выстояла —
Припомнить и то тяжело,
Какой холодиной неистойой
Мне бедные руки свело.
Какими пустынными стонами
Сквозь шум городской он пророс,
Далекими, смутно знакомыми, —
Бензином пропахший мороз!
Какие там мысли обронены
И ветром гудят в проводах.
Какие там судьбы схоронены
В широких безмолвных снегах.

1947

* * *

В один прекрасный день я все долги отдам,
Все письма напишу, на все звонки отвечу,
Все дыры зачину и все работы сдам —
И медленно пойду к тебе навстречу.
Там будет мост — дорога из дорог —
Цветущая большими фонарями.
И на перилах снег. И кто б подумать мог?
Зима и тишина, и звёздный хор над нами!

1947

* * *

...Опять чужая слава
Стучит в окно и манит на простор.
И затевает важный, величавый,
А в сущности базарный разговор.
Мне с вашей славой не пристало знаться.
Ее замашки мне не по нутру.
Мне б на твое молчанье отозваться,
Мой дальний брат, мой неизвестный друг.
Величественных строек коммунизма
Строитель жалкий, отщепенец, раб,
Тобою всласть натешилась отчизна, —
Мой дальний друг, мой неизвестный брат!
Я для тебя вынашиваю слово.
День ото дня седеет голова.
Губами шевелю — и снова, снова
Жгут губы мне, не прозвучав, слова.

Январь 1953

Маленькая, немощная лира.
Вроде блюда или скалки, что ли.
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.

1968

Слушая радио

На Олимпийских играх в Монреале
Кому-то первенства не удержать.
Кому-то не дали. Кому-то дали.
Олимп! А я? Ни плавать, ни бежать!

Другой игрой в монастыре зелёном
Я занята под грохот тишины.
И присягала я не стадионам.
Мне никаких медалей не должны.

1976

Мой день расчислен по минутам.
Но что теперь мне делать с ним —
С удавом этим, с этим спрутом,
Со днем расчисленным моим?

Так дней теперь осталось мало,
Что не поймешь, куда спешить?
За что хвататься? За начало?

Когда минут я не считала,
Когда растратчицей бывала,
И это называлось — жить...

1983

Из цикла «Дом» (отцу)

[1]

Ночные поиски очков
Посреди подушек жёстких.
Ночные призраки шагов
Над головой — шагов отцовских.
Его бессонницы и сны,
Его забавы и смятенья
В причудливом переплетенье
В той комнате погребены.
А стол его упёрся в грудь
Мою — могильною плитою,
И мне ни охнуть, ни вздохнуть,
Ни встать под тяжестью такою, —
Под бременем его труда,
И вдохновения, и горя,
И тех легчайших дней, когда
Мы, босиком, на лодке, в море.

1980

[2]

Я ещё на престоле, я сторожем в доме твоём.
Дом и я — есть надежда, что вместе мы,
вместе умрём.
Ну, а если умру я, а дом твой останется жить,
Я с ближайшего облака буду его сторожить.

1983

